

— Ирина Николаевна, девочки обычно мечтают о профессии врача, балерины, киноактрисы... Ну а дрессировка хищников — это, казалось бы, отнюдь не удел слабого пола!

— Сколько себя помню, всегда очень любила животных. Вероятно, сказалось влияние отца, ветеринарного врача. У отца было много работы, его часто приглашали в зоосад, на ипподром, в цирк. Всякий раз отец брал с собой в цирк и меня. Он лечил лошадей, собак, обезьянок, а я рядом переживала, уже очарованная цирком.

Росла я здоровой и ловкой. В семье была четвертой дочерью, и родители, мечтавшие о сыне, воспитывали меня «под мальчика». Я лазала по деревьям, бегала, прыгала... В то же время любила танцы и училась в балетной студии, играла на рояле, увлекалась театром. Потом серьезно занялась спортом, была чемпионкой Украины по легкой атлетике. Кроме того — коньки, плаванье, верховая езда (кубки, дипломы, жетоны, завоеванные мною на тех соревнованиях, сейчас хранятся в музее Киевского цирка).

Да, цирк оказался превыше всего. Преодолев некоторую растерянность мамы, не ожидавшей от меня такого «трюка», я решила освоить в цирке свой собственный номер. Это был первый советский механический аттракцион — «Полет на санях». В лыжном костюме я садилась в металлические сани, закрепленные под самым куполом, и летела с бешеной скоростью вниз по особому скату, который обрывался метрах в трех от арены. Сани, подброшенные трамплином, делали головокружительную петлю, пролетали через подвешенное над манежем вращающееся кольцо и опускались в сетку. Полет был опасен, каждое движение рассчитывалось чуть ли не по миллиметру, малейшее невнимание или упущение грозило гибелью, но я скоро привыкла к риску и работала почти спокойно... А потом захотелось чего-то нового: может, новых опасностей, но и новых достижений. Так я встретила со львами.

— Почему именно со львами!

— Лев — зверь красивый и могучий. В самой природе его есть какие-то ему одному присущие властность и гордость. Он не любит подчиняться, характер его сложен и противоречив. В гневе лев страшен, доходит до бешенства, не знающего границ. Он умен, сообразителен, быстро понимает, чего от него хотят, но повинется неохотно. Дрессировать льва очень трудно, не то что, допустим, медведя, который свободно ходит на задних лапах и вообще во всем старается копировать человека. Медведю не нужна клетка. Надень намордник и выводи за веревку на улицу. Лев намордника не признает. Со львом не погуляешь по улице. Ну, если только с маленьким...

В то время с дрессированными зверями выступали в основном зарубежные артисты. наших мастеров было мало: талантливое поколение Дуровых работало больше с домашними животными или с «мирными дикими», вроде обезьян, морских львов, слонов. Хищников дрессировали, пожалуй, только Борис Эдер и Николай Гладильщиков, а женщин — дрессировщиц львов не было вообще ни одной. И я решила стать первой. По моей просьбе в цирк привезли трех маленьких львят.

И тут мне вспомнилось детство. Однажды я увидела у отца книгу, на обложке которой значилось: «Кай Юлий Цезарь». Звучное и незнакомое имя поразило слух. И вот теперь я решила это красивое и знаменитое тройное имя разделить между тремя братьями-львятами. И еще я запомнила с детства выражение, созданное в древности людьми, вероятно, желавшими прожить свою жизнь не бесследно: «Aut Caesar, aut nihil» — «Или Цезарь, или ничто». Оно стало для меня чем-то вроде жизненного кредо.

— Ирина Николаевна, если бы я вдруг решила поменять профессию и тоже стать дрессировщиком, что мне для этого нужно?

— Нужно очень многое, поэтому лучше сразу же откажитесь от столь рискованного зигзага. Нужна беспредельная любовь к животным, воля, смелость, чувство меры и самообладание. Кроме того, как и в любом другом искусстве, необходимо умение создать образ, ибо, как это ни парадоксально звучит, зрители, которые, казалось бы, специально смотрят на «выступающих зверей», прежде всего следят за человеком, за артистом. Удается дрессировщику создать образ, импонирующий публике, — его ждет успех. Не удастся — его работа, пусть даже очень сильная по трюкам, окажется серой, не произведет и сотой доли того впечатления, на которое он рассчитывал. Увы, еще случается видеть на арене работу, напоминающую скучную репетицию или унылый класс. Нет общей мысли, нет замысла, исполнитель не может «подыграть» своим питомцам, он не в образе. Мне, например, в создании первого номера очень помогли не только физическая закалка, но и занятия музыкой, балетом. Ведь дрессировщик на манеже должен владеть искусством пантомимы, уметь точно и выразительно двигаться, причем без эффектации и позировки, плавно и органично.

Всем этим премудростям я семнадцатый

Воскресный гость «Смены» —
народная артистка СССР
Ирина Бугримова

«СРЕДИ ЦАРЕЙ ЦАРИЦА...»

ПОУТ ФАНФАРЫ, гремит марш, и в ажурную клетку врываются золотистые львы. Следом за ними на манеж стремительно выходит стройная женщина в белоснежном, сверкающем блестками костюме, в лакированных сапожках, с пурпурным плащом за плечами. И начинается представление. Лев — в воздухе, лев — на канате, львы — в пирамиде... Легко, словно играючи, ведет напряженный поединок с царями зверей Ирина БУГРИМОВА — первая советская дрессировщица, единственная среди женщин нашего цирка народная артистка Советского Союза. Недаром ее как-то назвали «среди царей царицей».

А потом страсти под куполом шапиро стихают, и мы далеко за полночь сидим в ее артистическом вагончике.

год учу моего ближайшего помощника Бориса Бирикова, который, надеюсь, скоро будет выступать с собственным аттракционом. Но на это потребовалось все-таки семнадцать лет ежедневной изнурительной работы.

— Пожалели ли вы хоть раз в жизни о том, что избрали эту профессию!

— Ни разу. Наоборот, с каждым годом все больше убеждаюсь, что нашла себя. В этой работе сумела применить все свои природные данные, все способности. И потом, чисто по-человечески, это же очень приятно — каждый вечер создавать романтический образ смелой, волевой, сильной женщины. Приятно потом и читать письма зрителей.

— Если быть до конца откровенной, боится ли на манеже страшно!

— Конечно. Это вообще страшная профессия. И я волнуюсь перед каждым выступлением, знаю, что возможны всякие неожиданности, сюрпризы. Вот журналисты пишут: «Мужественная, смелая...» А это мужество, эта смелость в нашем деле абсолютно естественны. Только мы об этом стараемся не думать, работаем — и все. Хищник есть хищник, и палец в рот ему не клади. Слабого львы не признают. Они сами многому научили меня, например, видеть, чувствовать зверя спиной, моментально реагировать.

А всяких страшных историй было сколько угодно. Вот в Лодзи, например, не успела

отскочить от льва, и тут же почувствовала сильнейший удар в лицо (по силе это удар боксерской перчатки плюс когти). На ногах устояла. В клетке падать вообще нельзя, хищники мгновенно бросаются на падающего. Зажала кровоточащую рану (вату передали через прутья) и продолжила работу — без оркестра, в звенящей тишине. Шквал оваций обрушился, когда последний зверь покинул клетку. А я в этот момент чуть не потеряла сознание.

Но вместе с опасным достаточно случалось в моей работе и забавного. Однажды зимой во время представления какой-то папаша из первого ряда положил шубку своей дочери на барьер. В это время я покоилась на «ковре» из животных, и цирк был погружен в полумрак. Хитрая львица Наташа, увидев рядом незнакомый предмет, быстро схватила его через прутья и, когда вспыхнул полный свет, оказалась на тумбе с шубой в зубах. Узрев в облике своей подруги нечто новое, звери насторожились. В любое мгновение можно было ожидать свалки. Пришлось тут же удалить Наташку с манежа. Когда потом, за кулисами, из ее клетки еле-еле вытянули несколько жалких клочков меха, маленькая девочка захлопала в ладоши: «Тетья Бугримова, спасибо, что ваш лев съел старую шубу, теперь мне папа купит новую!» Пришлось дирекции оплачивать этот непредвиденный счет.

— Интересно, в обыденной жизни, в повседневном быту вы кого-нибудь или чего-нибудь боитесь: мышей, темноты, высоты, грозы!..

— Нет, из повседневности, верьте — не верьте, чувство страха мне незнакомо. Не боюсь ни мышей, ни пауков. Змей, правда, избегаю, они мне просто неприятны. К высоте отношусь спокойно, ведь не зря же когда-то начинала с воздушного номера. По самым темным улицам хожу смело, за рулем обожаю быструю езду.

— Интересно, как укротитель хищников относится к обычным прозаичным домашним животным!

— У меня всегда жили собаки, но не лохматые болонки, а элегантные фокстерьеры, доберман-пинчеры. Последним был дог. Больше заводить собак не буду, уж очень тяжело их терять. Другая моя страсть — лошади. Для собственного удовольствия много лет занималась высшей школой верховой езды и показывала этот номер в цирке параллельно с львиным аттракционом. Ну а кошка — животное довольно глупое, бесталанное...

— Неужто львы все до одного талантливые!

— Отнюдь. Взгляните им в глаза. Они же по-разному чувствуют, по-разному понимают и разное умеют. В своей работе предпочитаю, чтобы мои питомцы прошли такой путь — «ясли», «детский сад», «школа». Начинаю с азав. Так легко воспитать, изучить животное. А изучив, подобрать роли и трюки по характеру. В общем, разгадываю способности «артистов» и раздаю им роли.

— Наверное, у вас дома львиные шкуры! Одобряете ли эту охотничью традицию!

— Нет, память о бывших питомцах храню только в фотографиях. К охоте я вообще быстро охладела, моя натура воспротивилась этому виду спорта, хотя когда-то стреляла неплохо.

— Как укротительница хищников отдыхает? Чужды ли ей обычные женские слабости!

— Одыхаю крайне редко и мало, в основном, когда сплю. Но все равно снятся, увы, все больше львы. Как художественный руководитель представления и ярая бесшумная общественница провожу в цирке почти все время. Отпуск предпочитаю на природе и непременно у воды. Что же касается женских слабостей... Люблю красиво одеваться, дома всегда цветы. А вот от духов пришлось отказаться давно: приучать хищника к одним духам нет смысла, а инородные запахи он не переносит. В талисманы не верю, верю только в себя.

— Каким музам, кроме цирка, вы еще поклоняетесь!

— Музыке. Музыка для меня это прежде всего Чайковский и Шопен. Когда была маленькой, засыпала обычно под вальсы Шопена, которые играла мама. Если позволяет время, хожу в кино, но сама со своими подопечными в кино никогда не снимаюсь, потому что люблю зверя живого и люблю живого зрителя, с которым вступаю в непосредственный контакт во время представления... Снимаю собственные любительские фильмы, я ведь много увидела разной экзотики: Куба, Мексика, Иран, Кувейт... Да и свою страну извезла вдоль и поперек.

Когда я уходил, Ирина Николаевна предупредила: «От клеток держитесь подальше. По технике безопасности нельзя приближаться к ним ближе чем на метр». И хоть над каждой решеткой внушительно значилось: «Осторожно — хищник!», теперь я испытывал к этим золотистым красавцам какую-то новую, неведомую ранее симпатию, и мне даже показалось, что один из них на прощание дружески подмигнул корреспонденту газеты, поднял хвост и помахал кисточкой. Все-таки тезка...

Лев СИДОРОВСКИЙ
Фото Е. Бакман